

ГЛАВА IV

«К ВАМ ОБРАЩАЮСЬ Я, ДРУЗЬЯ МОИ!»

Приближение военной грозы к советским границам просматривалось невооруженным глазом, так как невозможно было скрыть концентрацию огромной армии, изготовившейся для удара по всему периметру советской западной границы от Белого до Черного моря. Вопрос был только во времени — когда эта колоссальная военная машина двинется на Восток.

Как указывалось выше, Сталин неоднократно говорил на всех закрытых встречах и заседаниях о неизбежности войны с Германией.

Маховик Второй мировой войны раскручивался со все более угрожающей мощностью, и естественно, что в этих условиях активизировалась деятельность разведок всех воюющих и нейтральных государств. Черчилль, ссылаясь на данные английской разведки, предупреждал Сталина о скором вторжении вооруженных сил Германии в СССР. Это предупреждение было воспринято в Москве как дезинформация, если не как провокация.

О сроках нападения Германии на Советский Союз сообщали советские разведчики — Рихард Зорге из Японии, Шандор Радо из Швейцарии, «Красная капелла» из Германии и многие другие.

Министр обороны С.К. Тимошенко, новый начальник Генерального штаба Г.К. Жуков в своих докладах Сталину фиксировали внимание на данных разведки о форсированной подготовке Германии к войне с Советским Союзом. Иную позицию занимал руководитель советской военной разведки Ф.И. Голиков, ориентировавшийся не на информацию, поступавшую от советских разведчиков, а на уверенность Сталина в том, что нападения Германии на СССР не будет до тех пор, пока Гитлер не покончит с Англией.

Начиная с 60-х годов Секция истории Московского Дома ученых Академии наук СССР неоднократно приглашала на свои заседания известных военачальников периода Отечественной войны.

На одно из заседаний Секции истории был приглашен маршал Голиков. Я вел это заседание Секции истории и хорошо помню выступление профессора Московского государственного института международных отношений МИД СССР Ф.Д. Волкова, который только что опубликовал книгу о Рихарде Зорге. Профессор спросил Голикова, почему как руководитель разведки он игнорировал информацию Зорге и других разведчиков о сроках нападения Германии на Советский Союз. Голиков побагровел, наголо бритая голова и маленький острый носик покрылись испариной, бывший шеф советской разведки невнятно ответил: «Я своей работой выполнял задание ЦК партии».

Были военачальники, которые реагировали совсем по-другому на тревожные сообщения разведки.

Напряженность и трагизм последних предвоенных дней хорошо передают воспоминания Н.Г. Кузнецова, наркома и Главкома Военно-Морского Флота СССР в предвоенное и военное время. Он отмечал: «19 июня 1941 г., когда на границах было уже очень напряженно, моим приказом все флоты были переведены на повышенную оперативную готовность (№ 2).

Наступило 21 июня. По моему вызову прибыл наш военно-морской атташе в Берлине М.А. Воронцов, который до этого давал мне телеграмму о том, что немцы готовятся в ближайшее время напасть на Советский Союз. Воронцов буквально с поезда часов в 6—7 вечера пришел ко мне — это было в субботу. После его подробного доклада я поставил перед ним вопрос: «Как Вы думаете, чем это дело кончится?» Он говорит: «Вы знаете, это — война». Заявление было довольно ответственное, но и данных для этого тоже было очень много».

Н.Г. Кузнецов немедленно связался по телефону с командующими Балтийским, Северным и Черноморским флотами и объявил оперативную готовность № 1. Было около 12 часов ночи 21 июня, а в 3 часа 07 минут над Севастополем появились фашистские самолеты, встреченные мощным зенитным огнем. Воздушная атака противника была отражена. Аналогично развивались события на Балтийском и Северном флоте.

«Я немедленно взялся за телефонную трубку, — вспоминал Кузнецов, — и доложил Сталину о том, что началась война. Через несколько минут мне позвонил Г.М. Маленков и спросил: «Вы представляете, что Вы доложили Сталину?» — «Да, представляю. Я доложил, что началась война!»¹.

Нападение Германии на Советский Союз означало полное крушение всей военно-политической стратегии Сталина. Черчилль считал, что «удивительными были те просчеты и то неведение, которые

Сталин проявлял относительно ожидавшей его судьбы в период с сентября 1940 г. до того момента, как Гитлер напал на него в июне 1941 г. Он был бессердечным, хитрым и плохо информированным гигантом... До сих пор мы считали русских расчетливыми эгоистами. В этот период они оказались к тому же простаками. Сила, масса, мужество и выносливость матушки России еще должны быть брошены на весы. Но если брать за критерий стратегию, политику, прозорливость и компетентность, то Сталин и его комиссары показали себя в тот момент Второй мировой войны совершенно недалёковидными»².

Нападение Германии на Советский Союз создало совершенно новую военно-политическую ситуацию на фронтах Второй мировой войны. 22 июня 1941 г. с обращением по радио к СССР и всему миру выступил Черчилль. 8 июля 1941 г. премьер-министр Великобритании направил личное послание Сталину. Черчилль писал в мемуарах: «...Я обратился лично к Сталину и сообщил о нашем намерении помочь русскому народу всем, чем только мы можем»³.

Сказанное не означает, что в Англии после 22 июня все изменилось коренным образом и все политические силы страны, как по команде, выступили в поддержку Советского Союза и лично Сталина.

Инерцию антисоветизма и антисталинизма не могло остановить даже такое знаковое событие, что после 22 июня Великобритания и Советский Союз автоматически стали военно-политическими союзниками. Резко критические выступления против СССР и лично Сталина среди определенных политических кругов не прекращались на протяжении всей войны, что создавало серьезные проблемы в отношениях между двумя странами и ее руководителями.

Прогерманская внешняя политика СССР в конце 1939 — первой половине 1941 г. «нанесла огромный ущерб его престижу в США, вызвала серьезнейший кризис антифашистского движения в этой стране...»⁴. И после 22 июня 1941 г. антисоветские настроения были широко распространены в государственных и политических структурах США.

Сенатор Гарри Трумэн, будущий президент США, после нападения фашистской Германии на Советский Союз выступил с известным заявлением о том, что надо, чтобы русские и немцы убивали друг друга как можно подольше. Эта точка зрения была широко распространена в США. Сенатор от штата Канзас А. Кеппер заявил на следующий день после начала агрессии фашистской Германии против СССР: «Нападение гитлеровской Германии на сталинскую Россию утвердило меня в глубокой уверенности, что войны в Европе — не наши войны. Мы не должны в них участвовать. Для меня союз со

Сталиным лишь чуть-чуть менее отвратителен, чем союз с Гитлером... Пока эти два диктатора пожирают друг друга, Соединенные Штаты должны укреплять свою национальную оборону с тем, чтобы быть готовыми во всеоружии встретить любые случайности»⁵.

Высказывание сенатора Кеппера было типичным проявлением гипертрофированного изоляционизма, особенно неприемлемого в условиях, когда США оставались единственной великой державой, не участвовавшей во Второй мировой войне, и когда уже было ясно, что это не может продолжаться долго.

24 июня 1941 г. канзасская газета опубликовала со ссылкой на Вашингтон статью Х. Джонсона, в которой говорилось: «Многие обозреватели убеждены, что суть лисьей стратегии Сталина сводилась к тому, чтобы выжидать, пока Англия, возможно, Америка, вероятно, Япония уничтожат или резко ослабят друг друга во взаимной смертельной борьбе. После этого он вступит в войну, чтобы установить свой порядок, используя чудовищную, безбожную доктрину коммунизма, которая с 1919 г. стала кошмаром Западной Европы»⁶. Автор выражал уверенность, что «Красная Армия покажет себя столь же слабой, как и в Финляндии». В заключение статьи ставился вопрос: «Не повторится ли то же самое, что было в Польше, во Франции и на Балканах? Не пройдет ли Гитлер через Россию, как нож сквозь масло?» Х. Джонсон уверял, что ответ на все эти вопросы будет получен через месяц. А. Керенский безапелляционно заявлял, что «его страна слаба, а Иосиф Сталин — банкрот»⁷.

Стратегия Сталина, о которой писал Х. Джонсон, была «лисьей» не больше, чем военно-политический курс США. Известно, что Соединенные Штаты вступили в Первую мировую войну только в апреле 1917 г., когда уже подходило время собирать богатые трофеи этой войны и делить их между победителями. А до этого США почти четыре года торговали и со странами Антанты, и с державами германского блока. За это время они ограбили и будущих победителей, и будущих побежденных. Если до Первой мировой войны Соединенные Штаты были международным должником, то после ее окончания они стали мировым кредитором. Это была единственная держава, полностью выигравшая в Первой мировой войне.

По такому же сценарию развивались для США и события, связанные со Второй мировой войной. И если бы не нападение Японии на американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе, на Гавайских островах, они наверняка бы повторили путь, пройденный ими во время Первой мировой войны, — стали бы участником мирового конфликта в самом финале этой международной военно-политической трагедии.

Так что американский обозреватель Х. Джонсон не имел никакого морального права обвинять Сталина в том, что он выжидал, когда воюющие стороны ослабят друг друга в мировой войне, и только после этого намеревался вступить в войну, чтобы продиктовать свою волю и победителям, и побежденным.

Сталин, во всяком случае лучше Х. Джонсона, знал степень готовности СССР к войне, знал ее неизбежность для его страны и с полным основанием делал все возможное в человеческих силах, чтобы оттянуть начало войны для Советского Союза.

Консервативная пресса США не испытывала никакого восторга от того, что в лице Советского Союза у американцев появился союзник в борьбе с фашизмом. 26 июня 1941 г. канзасская газета перепечатала статью К. Стреттона из Вашингтона от 25 июня, в которой без какого-либо энтузиазма говорилось о «превращении этих ужасных красных русских в наших новых союзников...»⁸.

Резко антисоветские материалы занимали особенно много места в центральных, а не в местных органах американской печати. Вообще, следует отметить, что местная пресса Соединенных Штатов — более объективный источник для изучения настроений американской общественности по сравнению с центральной прессой. Это характерно и для военного, и для послевоенного периода истории США. Д. Эйзенхауэр, Главнокомандующий вооруженными силами западных союзников в Европе в годы Второй мировой войны и президент США в 1953—1961 гг., который всегда старался держать руку на пульсе общественного мнения, не без основания рекомендовал своим коллегам читать газеты, но не нью-йоркские и не вашингтонские⁹.

Начало советско-германской войны вновь поставило пакт 1939 г. между Германией и СССР в центр внимания американской общественности. Канзасская газета писала, что после заключения этого пакта «американские красные» всемерно поддержали его, они стали «воспринимать Гитлера, как друга. Этот пакт, — писала газета, — дал возможность нацистам захватить Польшу и развязать Вторую мировую войну. Россия получила свою долю добычи, захватив часть Польши, малые близлежащие государства — Эстонию, Латвию и Литву. После непродолжительной, но кровопролитной борьбы Сталин оккупировал часть Финляндии»¹⁰.

И вновь пресса муссировала вопрос о «слабости» Советского Союза, о невозможности для него успешно вести войну: «...Факты свидетельствуют о том, что промышленное развитие Советов замедлилось, это лишило СССР возможности вести длительную войну». Подробно перечислялись экономические «ошибки» СССР:

«85% нефтеисточников уязвимы для нападения», война с Финляндией показала «недоразвитость» железнодорожного транспорта, автотранспорт примитивен, «металлургическая промышленность плохо организована и сконцентрирована в районах, которые находятся сейчас в зоне военных действий» и т.д. Газета делала вывод: «Концентрация советской промышленности в районах, легкоуязвимых для нацистского блицкрига, является одним из самых слабых мест России... Сталин приступил к реорганизации промышленности слишком поздно»¹¹.

Американская местная пресса неоднократно возвращалась к вопросу о мировой революции, которую инспирируют «русские коммунисты», и подчеркивала, что это самый сильный аргумент против оказания им военной и экономической помощи. Канзасская газета заявляла: «Многие высокопоставленные лица, включая секретаря Гарри Гопкинса и Аверела Гарримана, доверенных лиц президента, в подлинном смысле слова молятся на советский режим». Их позитивное отношение к этому режиму газета считала тем более предосудительным, что «одержимость Сталина мировой революцией ни в коей мере не была поколеблена в результате немецкой агрессии (против Советского Союза)». Газета не скрывала своего отрицательного отношения к войне фашистской Германии с Советским Союзом: «Война, которую Россия ведет против Гитлера, не имеет своей целью укрепление демократии и свободы. Это борьба за выживание Советов. Будем надеяться, что фюрер не одержит победу в этой войне... лояльные американцы ни в коей мере не должны быть введены в заблуждение деятельностью коммунистических термитов в нашей собственной стране». Газета подчеркивала, что из того факта, что США «поставляют необходимое для войны снаряжение противнику Гитлера», не следует делать вывод о «необходимости поддерживать сталинские воззрения на систему правления». Газета отмечала, что она высказывала мнение «подавляющего большинства американского народа»¹².

Представители многих кругов американской общественности были убеждены, что разница в политическом устройстве США и СССР — непреодолимое препятствие на пути улучшения отношений между двумя странами.

Один из корреспондентов Франклина Рузвельта писал президенту 1 июля 1941 г.: «В той же степени, в какой мы испытываем отвращение и безграничную неприязнь к нацистской военной машине, мы должны ненавидеть сталинизм и его безбожную доктрину. Обещав предоставить России всю возможную помощь, мы на практике поставили себя в положение тех, кто предаёт забве-

нию, если не одобряет открыто, порабощение и деспотическое глумление над этим несчастным народом в сибирских концентрационных лагерях»¹³.

На огромных просторах России уже полыхала самая страшная война в истории человечества, которой суждено было изменить весь политический облик мира. Две в тот период самые мощные армии мира сошлись в смертельной схватке, а американские органы печати продолжали изощряться в остроумии, проводя политические параллели между СССР и Германией, между Сталиным и Гитлером.

25 июня 1941 г. «Уолл-стрит джорнэл» заявляла: «Американский народ знает, что принципиальная разница между мистером Гитлером и мистером Сталиным определяется только величиной их усов. Союз с любым из них будет оплачен престижем страны». Органу американских биржевиков вторила «Кливленд плейн дилер»: «Если Гитлер в своем безумном стремлении к власти сокрушит коммунистическую диктатуру и одновременно ослабит себя в такой степени, что будет уничтожен совместными усилиями Британии и Америки, мир, в конечном счете, станет от этого только лучше». Аналогична была точка зрения «Питсбург пресс»: «Это будет... морально справедливо, если Шикельгрубер и Джугашвили сгорят в пожаре, который они разожгли»¹⁴.

Уже в эти первые, трагические для советского народа дни Великой Отечественной войны консервативные круги США четко сформулировали свою позицию: пусть Германия и СССР, Гитлер и Сталин воюют как можно дольше, убивают друг друга в возможно больших количествах, а США активно вступят в войну, когда Германия и Советский Союз будут полностью обескровлены.

Аналогичной была позиция и Великобритании, лидер которой Уинстон Черчилль был самым ярким сторонником бесконечного затягивания второго фронта.

Были, конечно, объективные причины, мешавшие открытию второго фронта, как будет показано ниже, но бесспорно, что три самых тяжелых года войны Советский Союз один на один сражался с основными силами Германии.

Резкая антипатия к общественно-политическому строю в СССР высказывалась во многих газетах и журналах, в выступлениях государственных, политических, общественных деятелей Соединенных Штатов и Великобритании.

«Уолл-стрит джорнэл» писала: «Предположим, мы поможем России, и она разобьет Гитлера. Кто после этого будет господствовать в Европе и каков будет результат этого господства? Будет ли Сталин добрым хозяином, или же весь континент будет залит кровью?»¹⁵.

Общественное мнение США очень настороженно относилось к перспективе союза с «коммунистической Россией». Известный обозреватель Хью Джонсон писал, что коммунисты в США проникают в рабочие организации с тем, чтобы «подорвать» американскую экономическую систему, «подготовить мировую революцию». Автор ставил вопрос: целесообразно ли «сражаться за товарища Сталина за границей, в то время как он воюет против нас в нашей стране?»¹⁶.

Махровый антисталинизм, антисоветизм сквозили в каждом слове статьи маститого американского обозревателя. Красная Армия обливалась кровью в тяжелейших боях с превосходящими силами противника. Впереди были еще битвы за Москву и Сталинград, когда на карту будет поставлена судьба войны, а следовательно, и Советского Союза. Утверждать в этих условиях, что Сталин шел войной на американские институты, было верхом политической наивности, а заявлять, как делал Х. Джонсон, что крошечная компартия США готовила «мировую революцию», значило принимать американцев за полных глупцов.

Подобные заявления, широко распространенные в США и Великобритании, свидетельствовали о резко антисоветской, антисталинской направленности выступлений влиятельных средств массовой информации в этих странах.

Аналогичной была и точка зрения американских законодателей. Сенатор-демократ Вилер заявлял: «Вовлечение России в военные действия привело к тому, что война между Англией и Германией превратилась в смертельную схватку между мощными вооруженными силами нацизма и коммунизма».

Решительно вычеркнув Англию из числа воюющих держав, сенатор отметил: «Победа России приведет к возникновению коммунистической Европы». Начертав столь мрачную перспективу, Вилер обращался к соотечественникам с вопросом: «Американцы, хотели бы вы, чтобы наши деньги или американские ребята сражались совместно с Джо Сталиным, чтобы обеспечить победу коммунизма в Европе и во всем мире, или вас больше устраивает победа международного социализма, или же лидеров английской лейбористской партии, или гитлеровского национал-социализма?»

Сенатор давал безапелляционный ответ на поставленные вопросы: «Чтобы остаться демократами, США должны воздержаться от участия в иностранных войнах»¹⁷.

Когда сенатор Вилер ставил вопрос о превращении Второй мировой войны «в смертельную схватку нацизма и коммунизма», он выдавал желаемое за действительное, высказывал мнение всей международной реакции: пусть воюют фашистская Германия и социа-

листический Советский Союз, Гитлер и Сталин. А западные демократии будут сторонними наблюдателями в этой борьбе, пока не придет для них время поставить точку во Второй мировой войне, подвести ее итоги в нужном для себя плане.

Выступление Вилера было типичным для консервативных кругов США и Великобритании. И это свидетельствовало о том, что была реальная угроза превратить советско-германскую войну в схватку за их взаимное истребление.

Это была достаточно реальная политическая, дипломатическая и военная опасность для Советского Союза. И надо отдать должное Сталину, он сумел и разглядеть, и предотвратить развитие этой тенденции в практической политике союзных СССР стран.

По этой тенденции был нанесен сокрушительный удар созданием и успешным функционированием антигитлеровской коалиции, в чем заслуга Сталина, как уже указывалось, была бесспорна.

Величие Рузвельта как государственного и политического деятеля нашло свое проявление с первых же дней Великой Отечественной войны в том, что он, несмотря на идеологическую и политическую пропасть, разделявшую США и СССР, прекрасно понимал, что нападение Германии на Советский Союз поставило в совершенно новую плоскость отношения между двумя державами. Понимание руководством США новой военно-политической ситуации наглядно отразилось в послании Ф. Рузвельта на имя М.И. Калинина от 9 июля 1941 г. Поблагодарив Калинина за его поздравление с национальным праздником США, Днем независимости 4 июля, президент писал: «Американский народ ненавидит вооруженную агрессию. Американцы связаны тесными узами исторической дружбы с русским народом. Поэтому естественно, что они с симпатией и восхищением наблюдают за титанической оборонительной борьбой, которую ведет сейчас русский народ»¹⁸.

В Соединенных Штатах внимательно прислушивались к голосу американских корреспондентов в Москве: общественность страны привыкла верить собственным источникам информации.

Показательно, что, несмотря на многочисленные критические высказывания в адрес Сталина, пресса США очень позитивно восприняла его выступление 3 июля 1941 г.

Американские журналисты в Москве высоко оценивали эту речь Сталина. Например, корреспондент американского радио CBS в Москве Эрскин Колдуэлл рассматривал ее как начало «новой эры в советской жизни... Советский Союз мобилизует свои силы, как гражданские, так и военные, для ведения против Германии войны

не на жизнь, а на смерть. Если есть такое понятие, как тотальная война, то это именно она»¹⁹.

В Советском Союзе войну ждали. К ней готовились. И тем не менее реакция на нападение Германии была шоковая.

Показательно, что в течение нескольких недель после начала войны корреспонденты ТАСС в зарубежных странах не присылали информацию в Москву. Во всяком случае, в Государственном архиве Российской Федерации в фонде № 4459, опись 12 — Вестник иностранной информации и в том же фонде, опись 38, по которому шла закрытая иностранная информация ТАСС, никаких материалов о первых неделях войны не отложилось. В закрытой информации ТАСС первое сообщение после начала войны появилось 21 июля 1941 г., в Вестнике иностранной информации — значительно позже, только с осени 1941 г.

Информация от 21 июля была посвящена реакции в Берлине на назначение Сталина народным комиссаром обороны. В ней говорилось: «Берлин, 21 июля 1941 г. Германское информационное бюро сообщает: “Германская пресса расценивает назначение Сталина народным комиссаром обороны* как дальнейшее доказательство внутреннего расстройств и растущего морального разложения Советского Союза”». Сталин этим мероприятием сознался в том, писала газета «Монтаг», «что он предвидел наступление хаоса в большевистской обороне. Он пытается создать единую военную и политическую диктатуру, потому что возлагает свою последнюю надежду на мобилизацию мужчин, женщин и детей».

Среди военных резервов, писала «Монтаг», почти необученных, которые маршалы Советского государства бросают в борьбу, уже имеются вооруженные рабочие крупных промышленных центров. Мероприятие Сталина напоминает отчаянные попытки, предпринятые накануне катастрофы во Франции, с целью объединения политической и военной власти.

В назначении Тимошенко заместителем Сталина газета усматривала повторную опалу Ворошилова и пренебрежительное отношение к Буденному.

В заключение сообщения говорилось: «Кровавая кремлевская собака выступает в роли последнего резерва, — отмечает газета “Цвельфурблат”, — более отчетливо нельзя выразить внутреннюю слабость страны»²⁰.

* 30 июня 1941 г. Сталин был назначен Председателем Государственного Комитета Обороны (ГКО), 19 июля 1941 г. — народным комиссаром обороны Союза ССР, 8 августа 1941 г. — Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР.

Германское информационное бюро — важнейший центр пропаганды фашистской Германии — явно передергивало факты. Назначение Сталина наркомом обороны и на другие руководящие военные посты в самые критические дни войны свидетельствовало не о хаосе в «большевистской обороне». Сталин брал на себя ответственность и за вооруженные силы страны, и за всю судьбу государства. Это решение имело важное позитивное значение.

Заканчивался первый месяц войны. Немецкие армии успешно наступали на Восточном фронте, и подобные выступления прессы Германии, в том числе и с оценками Сталина, были типичными. Параллельно с военными успехами немецкой армии разворачивалось мощное наступление на Советский Союз, лично на Сталина высоко профессиональной, прекрасно организованной пропагандистской машины фашистской Германии.

Германский пропагандистский аппарат уделял первостепенное внимание персоне Сталина не только потому, что Гитлер ненавидел его больше, чем любого другого лидера противостоявшего ему блока государств. Важнейшее значение имело то, что в советской государственной, политической, дипломатической, военной структурах Сталин был фигурой № 1. На нем замыкалось решение всех важнейших вопросов внутренней и внешней политики Советского Союза. После начала войны эта сверхцентрализация в жизни СССР неизмеримо возросла. И скомпрометировать Сталина, подорвать его авторитет в Советском Союзе и в международном масштабе значило нанести своему противнику удар в самое важное, самое болезненное место, получить максимальный политический и морально-психологический эффект.

И когда немцы взяли в плен старшего сына Сталина Якова Джугашвили, то можно себе представить, с каким энтузиазмом, воодушевлением служба Геббельса использовала этот подарок судьбы для разворачивания мощной пропагандистской кампании против Советского Союза, в первую очередь лично против Сталина.

22 июля 1941 г. по линии ТАСС прошла информация под заголовком «Клеветническое сообщение Германского информационного бюро».

В действительности это была не клевета, а достоверное сообщение, ставшее личной трагедией Сталина: «Берлин, 22 июля 1941 г. Германское информационное бюро сообщает, что бронетанковые части генерала Шмидта 16 июля близ Лиозно, юго-восточнее Витебска, взяли в плен старшего сына Сталина Якова Сталина, лейтенанта 14-го гаубичного полка, 14-й советской бронетанковой дивизии (вместе со многими другими советскими солдатами и офи-

церами). Яков Сталин тотчас же был приведен к генералу Шмидту, где было с точностью установлено, что он является сыном Сталина. Он заявил, что понял абсурдность всякого сопротивления германским войскам, и поэтому вместе со своими оставшимися в живых солдатами сдался в плен»²¹.

Из Нью-Йорка 25 июля 1941 г. сообщалось, что газета «Сан», выходящая в Нью-Йорке, и другие американские газеты опубликовали распространяемое агентством Ассошиэйтед Пресс германское фото, на котором якобы изображен «сын советского премьера Яков Сталин в германском лагере для военнопленных»²².

24 июля 1941 г. Германское информационное бюро вновь возвращалось к вопросу о пленении сына Сталина. Информация была дана ТАСС под заголовком «Гнусные измышления Германского информационного бюро».

Берлинская печать, говорилось в сообщении, комментирует факт, что старший сын Сталина взят в плен, и заявление сына Сталина о том, что «борьба против германских войск бессмысленна».

Газеты рассматривали это как доказательство безнадёжного положения, в котором оказался Советский Союз. Газета «Фелькишер беобахтер» указывала, что «если сын Сталина, который говорил о своем положении не как офицер, не как сын кровавого советского вождя, понял бессмысленность советского сопротивления и который лучше, чем какой-либо другой гражданин советского «рая» может отдать себе отчет о положении, в котором оказался СССР, и если, несмотря на категорический приказ своего отца сражаться до конца, он не повинуется этому приказу,— то становится понятным, что все мероприятия, предпринятые его отцом, в действительности являются лишь последней вспышкой садизма и жажды крови, что лишено всякого смысла».

Сталин, писала «Фелькишер Беобахтер», который «посылает свою армию, составленную из миллионов солдат, на уничтожение и верную смерть, окончательно разоблачен своим собственным сыном».

Газета «Дойче альгемейне цайтунг» также отмечала, что заявление Якова Сталина симптоматично для той безнадёжной борьбы, в которую бросил советскую армию кровавый владыка Москвы. Сын Сталина знает лучше, чем какой-либо советский офицер или солдат, приказ своего отца биться насмерть, он также знал последствия, к которым может привести невыполнение подобного приказа. Если, несмотря на эти факты, сын Сталина отказался продолжать борьбу, отдавая себе отчет в бессмысленности сопротивления, то это служит доказательством психологического состояния, в котором находится Красная Армия.

Газета «Берлинер берзенцайтунг» считала, что своим приказом — бороться до конца — причем в противном случае членам семей тех, кто этот приказ не выполнит, угрожают репрессии, «Сталин подписал сам себе смертный приговор. Случай с его сыном Яковом Сталиным поставил его в весьма тяжелое положение. Дело Якова Сталина превратилось в дело Иосифа Сталина»²³.

Пленение сына Сталина было столь большой сенсацией, что немецкие газеты публиковали многочисленные сообщения на эту тему, стараясь дать как можно больше деталей, связанных с этим событием.

Как указывалось выше, после публикации первых немецких сообщений о пленении Якова Джугашвили ТАСС характеризовал их как клеветнические. И это было естественно, так как Кремль ни опровергал, ни подтверждал этих сообщений. А давать столь деликатную информацию без перестраховочного подзаголовка было рискованно. По мере поступления новой информации о Якове подзаголовки сообщений ТАСС менялись, и очередное из них вышло под нейтральной шапкой: «Германское сообщение о показаниях Якова Сталина».

В нем говорилось: «Берлин, 28 июля (ТАСС). Германское информационное бюро передало следующее сообщение: “Старший сын советского диктатора Яков Джугашвили, который, как уже сообщалось, ввиду бесцельности дальнейшего сопротивления и вопреки отчетливому приказу своего отца, сдался вблизи Лиозно, во время допроса дал подробные показания о недостатках большевистской организации в советском командовании армией. Точный текст этого допроса с отдельными высказываниями сына Сталина на русском языке был передан германским радио, так что возможные попытки с советской стороны подвергнуть сомнению сами высказывания с самого начала обречены на неудачу”».

Исключительно интересные детали, говорилось в заявлении Германского информбюро, которые сын Сталина сообщил во время своего допроса, ясно свидетельствуют о том, насколько беспланово советское командование посылает целые дивизии в бой, даже если нет никаких шансов для продолжения борьбы. Бессмысленные, или, как выразился Яков Джугашвили, идиотские приказы командиров, а также страх перед мнимыми зверствами германских солдат, о чем постоянно твердят политические комиссары, заставляют войска оказывать отчаянное сопротивление даже тогда, когда они находятся в безнадежном окружении. Из отдельных высказываний видно, насколько глубоко подавлен Яков Джугашвили. Он произносил слова медленно, как бы в раздумье, часто повторялся, чтобы усилить сделанные заявления.

Допрос начинался с вопросов чисто личного порядка, причем Яков сразу заявил, что он старший сын Председателя Совета Народных Комиссаров Сталина. На предложение дать более точные данные о своем чине, полке, дивизии он дает характерную картину своей воинской части, развивая ее до того момента, когда он вместе со своими людьми принял решение сдаться. По его словам, остатки дивизии, к которой он принадлежал, были разбиты уже 7 июля. Но только 16 июля, т.е. 9 дней спустя, Яков Джугашвили, отказавшись от явно безнадежного сопротивления, сдался.

О том, как подействовало окружение, сын Сталина заявил следующее: «Произведенное немцами окружение вызвало, к сожалению, такую панику, что все разбежались. В этот момент я находился в штабе командира дивизии. Я побежал искать своих людей, так как... был оторван от своих артиллеристов. Я не знаю, где они остались, но я не нашел ни одного из них. В ночь на 16 июля в полутора километрах от Ляссово нас окружили. Возникла паника, артиллеристы, куда можно было, стреляли. Куда они затем исчезли, я не знаю. Я ушел от них и ждал в машине дивизионного командира, его самого там не было. В этот момент началась стрельба. Германские войска начали обстреливать остатки нашей 14-й бронедивизии».

Из допроса Якова было очевидно, что он пытался вырваться из немецкого окружения: «Я решил поспешить к командиру, — говорит сын Сталина, — чтобы принять участие в обороне. У моей машины столпились рассеянные стрельбой солдаты, люди из обоза. Они приняли решение и просили меня: “Товарищ командир, веди нас в бой”». Я хотел вести их в атаку, однако они испугались ее. Когда я обернулся, то никого уже не было около меня. Я не мог также вернуться к своим, так как немцы открыли сильный огонь из минометов. Я подождал некоторое время и остался совсем один, так как сил, с которыми я должен был идти в атаку для подавления нескольких немецких пулеметных гнезд, что было необходимо для прорыва, уже не было здесь. Начало светать. Я ждал своих артиллеристов, но ни одного не было видно. Я пошел дальше и натолкнулся на небольшие группы обслуживающего персонала из моторизованной дивизии и из обоза. Но мне ничего больше не оставалось, как идти с ними. Я увидел, что окружен, что дальше уже идти нельзя, и я пришел и сказал: “Я сдаюсь. Это все”».

Впечатляющая картина трагического, безвыходного положения, в которое попали сотни тысяч советских солдат и офицеров, оказавшихся в окружении в первые недели войны!

На следующий вопрос, где он впервые участвовал в бою, Яков ответил, что эта местность находится в 25—30 км от Витебска, на-

звание которой он забыл. «У меня не было никакой карты, у нас вообще не было карт. Все у нас было построено так безалаберно и беспорядочно — движение, организация. На заданный вопрос, как обстояло дело с подвозом, он ответил: «Я скажу вам откровенно — вся дивизия представляла собой подвоз». — «А какова причина слабости армии?» — «В глупых, идиотских приказах, дивизии посылались прямо под пули».

Очень интересно, говорилось в сообщении, что сын Сталина не был информирован о полномочиях вновь введенных политических комиссаров. Он сам придерживался еще того мнения, что политический комиссар является помощником командира. Одно из двух: или связь с нижестоящими советскими штабами была чрезвычайно плоха, или офицеров намеренно не ставили в известность о решающих изменениях. Он решительно высказался против этих политических комиссаров, так как войсками может командовать лишь командир; не комиссар, а командир, подчеркнул он, должен быть первым лицом.

Относительно английской помощи сын Сталина высказался очень скептически. Яков заявил, что он по радио слышал о заключении соглашения. Окажет ли Англия помощь, он не знает, но «до сих пор Англия еще никому не помогала». Затем Яков Джугашвили, отмечалось в сообщении, должен был признать, что все утверждения о плохом обращении с пленными являются лживыми. С ним самим обращаются хорошо, и он не может жаловаться. Он твердо убежден в том, что со всеми пленными обращаются так же, как с ним.

Под конец ему был задан вопрос о его семье. У него есть жена и трехлетняя дочь. На вопрос, возьмет ли в случае бегства правительства его отец с собой его жену, он ответил неопределенно: «Может быть, да, может быть, нет». Ему было предложено написать несколько строк своей жене. Он поблагодарил за любезность и заявил: «Пока в этом нет необходимости»²⁴.

В приведенных показаниях сын Сталина подробно рассказывал о дезорганизованности, об отсутствии карт и скоординированного руководства войсками, о том, что целые дивизии бросают в бой, если даже нет «никаких шансов для продолжения борьбы».

В первые дни войны все это действительно имело место. Показательно вместе с тем, что даже в этом пропагандистском сообщении признавалось, что и в безнадежном положении советские войска оказывали «отчаянное сопротивление».

Немецкая газета «Берлинер берзенцайтунг» обоснованно писала, что пленение Якова поставило Сталина в «тяжелое положение». И немецкая пропаганда сделает все возможное, чтобы выжать из этого «тяжелого положения» максимум пропагандистского эффек-

та. На советские войска сбрасывались многочисленные листовки, на которых сын Сталина был изображен рядом с высокопоставленными деятелями фашистской Германии. Под этими фотографиями публиковались призывы к советским солдатам и офицерам прекратить бесполезное сопротивление, последовать примеру Якова Сталина и сдаваться в плен.

Пропагандистская машина Германии на протяжении войны еще неоднократно, как мы увидим, будет муссировать вопрос пленения сына Сталина. Этим преследовались не только пропагандистские, но и психологические цели: Сталин был человек действительно стального характера, но сам факт пленения его сына не мог не оказать на отца резко негативного психологического воздействия. Тем более что Сталину докладывали, что Яков будто бы регулярно выступал с различными интервью, в которых говорил о бесполезности сопротивления германской армии.

В действительности фотографии, на которых сын Сталина был изображен с фашистскими бонзами, являлись монтажом, фотоподделкой. В плену сын Сталина вел себя достойно, на сотрудничество с врагом не шел. Об этом свидетельствовал уже тот факт, что на протяжении всего периода плена он находился в лагерях для военнопленных. Если бы сын Сталина дал согласие на сотрудничество с немцами, ему наверняка обеспечили бы куда более комфортное место обитания. В 1944 г. Яков Сталин покончил жизнь самоубийством, бросившись на колючую проволоку, окружавшую лагерь военнопленных. По проволоке был пропущен ток высокого напряжения.

Сам факт пленения сына Сталина, независимо от того, пошел он на сотрудничество с противником или нет, уже был большой пропагандистской удачей для немцев. Эффект от этого события был впечатляющий, и ведомство Геббельса решило его максимально развить.

27 ноября 1941 г. появилось сообщение о том, что сдался в плен сын Молотова. В этот день из Берлина было передано следующее сообщение: «Диктор: Слушайте, что скажет Георгий Скрябин. — Я говорю от моего имени и от имени моего товарища, который тоже находится в плену, Якова Джугашвили — сына Председателя Совета Народных Комиссаров Сталина. Я — сын народного комиссара иностранных дел СССР, т.е. Молотова, Скрябин Георгий. Нахожусь в Берлине. Я был призван в Красную Армию в 1939 г., 31 октября. Служил в 48-м стрелковом полку в качестве красноармейца».

Обращаются с пленными хорошо, заявлял «сын» Молотова. «Разрешите всем вам персонально передать свой пламенный братский, чисто русский привет и пожелать долгих лет жизни для будущей счастливой, освобожденной от большевиков и жидов России»²⁵.

28 ноября 1941 г. Германское информационное бюро передало сообщение: Представители иностранной печати в Берлине имели возможность присутствовать сегодня вечером на Вильгельмштрассе при допросе сына Молотова, захваченного в плен немцами во время сражений на Востоке.

В сообщении подробно излагались ответы «сына Молотова» на многочисленные вопросы корреспондентов. Ответы были выдержаны в той же тональности, что и его выступление по радио.

Закономерно возникал вопрос: почему «Скрябин» говорит от имени Якова Джугашвили, а не выступает сам сын Сталина?

Помимо этого, широко известно, что у Молотова была дочь Светлана, которая после защиты кандидатской диссертации работала в Институте всеобщей истории РАН. Я был знаком со Светланой еще в 1947—1952 гг. по совместной учебе в МГИМО МИД СССР и никогда не слышал от нее, что она имела брата. Не попадалась мне на глаза такая информация и в многочисленных источниках при работе над этой книгой.

Откровенные призывы к советским солдатам сдаваться в плен, пропаганда «хорошего обращения» с пленными, призывы очистить СССР от «большевиков и жидов» — все это позволяет сделать вывод, что на этот раз немецкие пропагандисты запустили в эфир и на встречу с журналистами типичного «сына лейтенанта Шмидта».

В первые дни войны Сталин испытал страшное напряжение. В отечественной мемуарной литературе, особенно опубликованной после 1985 г., приводятся многочисленные примеры, подтверждающие это.

Состояние Сталина было понятно. Рухнула его стратегическая концепция: Германия нанесла удар не по Англии, а по Советскому Союзу. А ведь под эту концепцию, под надежду, что будет еще год-два мирной передышки, планировались военное и экономическое строительство, вся политика и дипломатия страны, пропагандистская работа.

Крах этой концепции был тяжелым ударом по личному авторитету Сталина в партии, в народе, в армии, на международной арене.

Положение усугублялось страшной силой удара, обрушившегося на СССР. Многие факты катастрофического положения, в котором оказался Советский Союз, стали известны только в последние годы. И эти факты заставляют невольно задать вопрос: как удалось выдержать все эти страшные испытания? Какова была в этом роль Сталина?

По-моему, лучше всех из наших крупных военачальников — участников войны о тех страшных первых днях войны сказал Баграмян: «Ни одна страна, ни одна армия в мире не могла бы спра-

виться с тем буквально катастрофическим положением, которое создалось для нас в первые военные месяцы 1941 г.»²⁶.

Вся информация стекалась к Сталину. И он лучше, чем кто-либо другой, чувствовал, казалось бы, безысходность создавшейся ситуации. И он не мог не переживать за то, что доля его личной ответственности за наступившую катастрофу была огромна. Он был полновластным правителем страны и не мог не нести персональной ответственности за создавшееся положение.

Сталин был человеком сильного характера и немалого мужества. Но всегда есть предел человеческим силам и возможностям. Ведь Сталин был немолод. Когда началась война, ему был уже 61 год. Он прошел путь профессионального революционера — многочисленные тюрьмы, ссылки, побег. Сталин перенес смерть первой жены, самоубийство второй, огромного нервного напряжения потребовала многолетняя схватка с оппозицией. Это была борьба не на жизнь, а на смерть, Сталин в полном смысле слова рисковал в ней головой. Бесспорно, что он нес личную ответственность за массовые репрессии 30-х годов, и наверняка «мальчики кровавые в глазах» преследовали его всю жизнь. Попал в плен старший сын Яков. Отнюдь не радовал отца своим поведением младший сын Василий.

И ко всему этому на Сталина обрушилась катастрофа первых дней войны.

Выдержать все это было практически невозможно. И, очевидно, была доля правды в информации из столицы Турции о состоянии здоровья Сталина: «Анкара, 25 сентября 1941 г. Радиоинформация: “В дипломатических кругах Москвы стало известно, что в Кремле был созван консилиум известнейших врачей по поводу состояния здоровья Сталина, которое вызывает сильные опасения. Как известно, он страдает болезнью печени. Недавно у него — был припадок разлития желчи. Боли в позвоночнике, глаза пожелтели. Состояние здоровья Сталина очень тяжелое. Все это произошло непосредственно после извещения о разгроме южной армии”».

В этой же информации говорилось о новых пертурбациях в высшем комсоставе Красной Армии: «Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс из Стамбула сообщал, что Буденный отозван в Москву. После своего прибытия сюда он бесследно исчез. Полагают, что это вызвано тем, что он не оправдал надежд, возлагаемых на него Сталиным»²⁷.

Германия после нападения на Советский Союз использовала самые разнообразные формы дискредитации Сталина в глазах советских людей. Это являлось убедительным свидетельством того, что война между СССР и Германией была самым политизированным

военным конфликтом в мировой истории. Это было не просто военное столкновение двух великих держав, а настоящая политическая, идеологическая война двух стран, принадлежавших к антагонистическим общественным формациям.

Приемы в этой войне были самыми необычными. Так, например, регулярно вела радиопередачи на русском языке радиостанция «Старая гвардия». Выступая якобы от имени старых большевиков-ленинцев, эта радиостанция, несомненно, являвшаяся составной частью пропагандистской машины фашистского рейха, клеймила «сталинских опричников», призывала советских людей в передаче 2 сентября 1941 г. «восстать для решительного боя». В этой передаче говорилось: «Вы должны стать вместе с нами... правительством, которое полностью выполняет ленинские заветы. Этим самым мы сможем приостановить продвижение германского фашизма. Только в этом случае мы можем спасти наш Советский Союз и коммунистическую партию». Суть передачи была ясна из предложения, как и в 1918 г., пойти на подписание мира с Германией, призыва к советским солдатам и офицерам: «Братайтесь с германскими частями».

И, конечно, главный заряд был выпущен лично против Сталина: «Товарищи политкомиссары, бойцы Красной Армии! Заклинаем вас, зовем мы вас, старая ленинская гвардия! Спасайте народы Советского Союза, спасайте советское государство, уничтожьте Сталина!.. Долой Сталина — он главный виновник нашего несчастья, долой всех сталинцев!..»

В этой передаче «Старая гвардия» припомнила Сталину и войну с Финляндией. Радиостанция вещала: «Если бы не авантюры Сталина, не его сумасшедшие планы завоевания Финляндии и Прибалтийских государств, то у нас бы не было сейчас войны с фашистской Германией».

Ослиные уши ведомства Геббельса четко просматривались, если можно так выразиться, «прослушивались» в этих передачах, к которым мы не раз еще будем возвращаться. Принадлежность подобных радиостанций к пропагандистской службе Германии определялась не только направленностью, тональностью, содержанием их передач. Надо учитывать и то, что с советской территории работать такие радиостанции не могли. Они были бы сразу запеленгованы и уничтожены. Эти радиостанции шли в обозе оккупантов. И было очевидно, что с оккупированной или с немецкой территории «Старая гвардия» могла вещать только потому, что в своеобразной форме (правда, очень наивно), но делала она то, что было необходимо для немцев.

Важнейший аспект деятельности Сталина в годы войны — его отношения с лидерами стран, вошедших в антигитлеровскую коалицию, в первую очередь, конечно, с Черчиллем и Рузвельтом.

Первая встреча Большой тройки — Сталина, Рузвельта, Черчилля — произошла, как известно, только в ноябре 1943 г. на Тегеранской конференции. С Черчиллем Сталин впервые встретился 12 августа 1942 г. во время визита премьер-министра в Москву.

Что же касается официальной переписки между тремя лидерами, то она началась значительно раньше, первое личное послание от Черчилля Сталин получил 8 июля 1941 г. и направил ему ответ 18 июля. Переписка между Сталиным и Рузвельтом началась 4 августа 1941 г. по инициативе советского руководителя, ответное послание от Рузвельта Сталин получил 30 сентября 1941 г.

Интересно проследить, какие вопросы были подняты Сталиным в этих первых посланиях, что его особенно беспокоило, какие проблемы он считал необходимым решать в первую очередь, какова была тональность его писем, манера изложения материала, как он держался с Рузвельтом и Черчиллем.

Свое послание Сталину Черчилль начинал со слов восхищения героическим сопротивлением Красной Армии: «Мы все здесь очень рады тому, — писал Черчилль, — что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление... Храбрость и упорство советских солдат и народов вызывают всеобщее восхищение».

Черчилль заверял Сталина, что Англия готова оказать всемерную помощь СССР, но оговаривался: «...Поскольку это позволят время, географические условия и наши растущие ресурсы». Подобные отговорки разных вариантов Черчилль будет использовать три года, прежде чем появится второй фронт. Воистину — обещанного три года ждут. В своем первом послании Сталину основной упор премьер делал на воздушные бомбардировки Германии, чтобы «постепенно ослабить бремя, лежащее на Вашей стране», — писал Черчилль²⁸. Помимо этого, премьер-министр сообщал, что по его инициативе «адмиралтейство подготовило серьезную операцию, которую оно предпримет в ближайшем будущем в Арктике». Черчилль предлагал «продолжать прилагать все усилия, чтобы вышибить дух из злодеев»²⁹.

10 июля Черчилль направил новое послание Сталину, в котором одобрял результаты переговоров английского посла в СССР Стаффорда Криппса со Сталиным по вопросу об опубликовании англо-советской декларации, определяющей принципы отношений между двумя странами в борьбе с общим врагом³⁰. 12 июля 1941 г. между правительствами СССР и Англии вместо предлагавшейся

премьер-министром англо-советской декларации было заключено соглашение о совместных действиях в войне против Германии.

На оба послания Сталин дал ответ 18 июля. Уже в этом первом послании Черчиллю Сталин поставил проблему, которая на три года займет самое важное место в отношениях между союзниками, — между советским руководителем, Черчиллем и Рузвельтом. Речь шла о необходимости скорейшего создания союзниками второго фронта во Франции и в Арктике. Сталин всесторонне аргументировал необходимость и возможность создания второго фронта, который «не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию»³¹.

В своем первом послании Рузвельту от 4 августа 1941 г. Сталин ставил всего один вопрос — о Финляндии. В своем обычном лаконичном стиле, послание состояло всего из пяти фраз, советский руководитель писал, что разрыв отношений между Англией и Финляндией и объявленная Англией блокада Финляндии уже возымели свое действие и породили конфликты в руководстве Финляндии. Раздаются голоса за выход страны из войны.

Сталин писал, что если бы Соединенные Штаты сочли необходимым пригрозить Финляндии разрывом отношений, то правительство этой страны заняло бы более решительную позицию в вопросе об отходе от Германии. В этом случае правительство СССР могло бы сделать некоторые территориальные уступки Финляндии, заключив с ней новый мирный договор³².

Сталин своей просьбой ставил президента США в сложное положение, если учесть резко негативное отношение Рузвельта и общественного мнения США к войне СССР против Финляндии, о чем говорилось выше.

И тем не менее по дипломатическим каналам США оказали давление на Финляндию в направлении, о котором просил Сталин.

Советский Союз и Англия воевали против общего врага, и естественно, что у СССР до вступления США в войну в декабре 1941 г. были более тесные отношения с Англией, чем с Соединенными Штатами. Это накладывало соответствующий отпечаток и на отношения Сталина с Черчиллем. Уже в своем первом послании английскому премьеру Сталин писал: «Теперь, как Вы выразились с полным основанием, Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией»³³.

И у союзников было немало общих проблем, которые они оживленно обсуждали, обмениваясь посланиями. Обращает на себя внимание, что Сталин в переписке с Черчиллем не выступал в роли просителя. Советский Союз в первые месяцы войны был в тяже-

лейшем положении, но советский руководитель держался с достоинством. Ни в одном из его посланий не было ссылок на катастрофически трудное для СССР положение и как следствие этого — просьбы о помощи. Более того, даже в самое трудное время Сталин выражал уверенность в победе.

18 июля 1941 г. уже в своем первом послании Черчиллю Сталин писал: «Не сомневаюсь, что у наших государств найдется достаточно сил, чтобы, несмотря на все трудности, разбить нашего общего врага». 3 октября 1941 г., когда немцы стояли у самых ворот Москвы, Сталин в послании премьер-министру выражал «уверенность, что, несмотря на все трудности, мы решим дело разгрома Гитлера...»³⁴.

В зарубежных газетах, в том числе и в английских, под впечатлением неудач Красной Армии в начальный период войны очень скептически оценивали оборонительный потенциал СССР. Например, подводя итоги оценки прессой США первого месяца боев на советско-германском фронте, американский журналист Тоухи писал: «Пресса не может позволить себе надеяться, что Россия продержится долгое время, но выражает надежду, что срыв нацистских планов отодвинет попытку их вторжения в Англию в этом году»³⁵.

Несмотря на подобные пессимистические оценки силы сопротивления Красной Армии, Черчилль в своих посланиях высказывал Сталину восхищение массовым героизмом и стойкостью советских солдат и офицеров. 8 июля 1941 г. в своем первом послании Сталину он, как указывалось выше, исключительно высоко оценивал героизм и мужественное сопротивление советских вооруженных сил. Черчилль выражал восхищение героической борьбой Красной Армии в своих посланиях, полученных Сталиным 30 августа 1941 г., 5 декабря 1941 г., и в других обращениях к советскому руководителю.

Говоря о массовом героизме советских солдат и офицеров, Черчилль ни в коей мере не допускал преувеличений. Однако положение на Восточном фронте все более усложнялось.

Пришло время платить огромную цену за предвоенные ошибки советского руководства и в первую очередь — за ошибки Сталина. Весной 1941 г. по его приказу была демонтирована линия оборонительных сооружений протяженностью в 1200 км, которая перекрывала зону от Белого до Черного моря. Началось строительство новых укреплений, но эти работы не были завершены к началу войны. «Новые рубежи, созданные Сталиным на своей границе по периметру — Балтийские государства, Восточная Польша и Бессарабия, были разорваны в клочья в тяжелейших боях, и захватчик глубоко прорвался внутрь советской территории»³⁶.

Даже благожелательно настроенные по отношению к СССР обозреватели Запада писали о тяжелейшем положении Красной Армии. Так, американский журналист М. Вернер констатировал: «В течение первых 26 дней войны в России германская армия вела классический блицкриг, непрерывно продвигаясь вперед по всей широте фронта первоклассного противника»³⁷.

Сложившаяся ситуация была для Сталина тяжелейшим морально-психологическим ударом, так как произошло крушение всей его стратегической концепции: «Сталин отвергал любую мысль о глубоко эшелонированной обороне. Однажды он заявил о том, что агрессор с окровавленной головой побежит от советских границ»³⁸.

Тяжелое положение на фронте создавало серьезные проблемы для Сталина в решении военно-политических вопросов с Англией и США.

И тем не менее позиция советского руководителя при их обсуждении была не только жестко непримиримой, но и конструктивной.